

Ереван как семиотический текст (опыт реконструкции «начала» и «конца» проспекта Маштоца)

А.А. Степанян, Т.С. Симян
ЕРЕВАН

Статья – попытка социо-семиотического осмысления архитектурной среды города на примере современного Еревана. В качестве фокуса рассмотрения взят «испытующий глаз» двух (реальных или идеальных) интеллектуалов – разных поколений и духовных опытов. Их объединяет стремление преодолеть «затишье обыденности» городского пространства путем внедрения в него алгоритмов «затесей» – знаковых и смысловых меток и троп (аллюзия на тайгу В. Астафьева). Сказанное предполагает интеллектуальное прочтение социальной среды с использованием новейших технологий текста. Технологий, в которых текстовые (аудио-визуальная данность) и внетекстовые (духовно-интеллектуальная данность) легко обратимы. Предлагаемый нами анализ Еревана построен на примате второго из названных элементов над первым. Надеемся, что при подобном подходе незыблемость смысловых границ архитектурных форм и учреждений будет расшатана. Надеемся также, что это откроет возможность нового Еревана (и, вообще, любого города), способного на авторефлексию и самообновление путем интеллектуального опыта.

Методология

Предмет исследования нами раскрыт с использованием нескольких параллельных парадигм анализа и реконструкции текстовых блоков современного города. С одной стороны, «символическое переживание» его пространства, которое предполагает возможность нового осмысления семантики и семиотики архитектурной среды¹. С другой стороны, постструктуралистическая де-

¹ «Между геометрическим моделированием и реальным архитектурным созданием существует посредующее звено – символическое переживание этих форм, отложившееся в памяти культуры, в ее кодирующих системах» (Лот-

конструкция сложившегося десятилетиями старого метатекста города и его отдельных структурообразующих компонентов (Ж.-Ф. Лиотар)¹. С третьей стороны, осмысление образа города с использованием принципа обратной перспективы, т.е. «духовного архива» его читателей (П.А. Флоренский, Б.В. Раушенбах)². С четвертой стороны, попытка систематизации нового метатекста города, находящегося в более гибких и многовекторных взаимоотношениях со своими смысловыми и функциональными элементами (П. Сильер, Дж. Коллиер)³.

Типология Еревана

Ереван относится к разряду «вдруг появившихся» городов. Правда, он существовал еще с урартских времен, но находился в состоянии «провинциального небытия». Статус изменился при Первой Республике (1918–1920 гг.), когда он был признан столицей. Хотя от этого его «провинциальная тишина», в сущности, не нарушилась. Трансформация началась в 1920–1930-х годах. И ведущую роль в этом сыграл А.И. Таманян – великий архитектор и семиотизатор⁴. Два раза (1924, 1936 гг.) он составлял генеральный план Еревана, в котором подверг деструкции его старый код и конструировал новый.

Семиотический текст был сгущен в центре города – радиально-кольцевая конструкция, в которой доминировали два строения – Дом Правительства и Дворец Оперы и Балета. В них автор закодировал свой социальный идеал, основанный на гармоническом (и в той же степени утопическом) сочетании власти и культуры. Важными компонентами данной архитектурной среды являлись гора Арарат и средневековая столица Армении – Ани. Первый присутствовал (и продолжает присутствовать по сей день) визуально⁵. Второй же подразумевался посредством архитектурных форм и декоров зданий [*архив обратной перспективы: Ани – столичный город Багратидской Армении (885–*

ман Ю.М. Архитектура в контексте культуры // Семиосфера. СПб., 2004. С. 678).

¹ Lyotard J.F. The Postmodern Condition. A Report on Knowledge. Minnesota, 1984.

² Флоренский П.А. Обратная перспектива // Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. Труды по знаковым системам. 1967. Вып. 3. С. 318–416; Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. М., 1981.

³ Cilliers P. Complexity and Postmodernism. Understanding Complex Systems. London; New York, 2002; Collier J. A Dynamical Approach to Identity and Diversity in Complex Systems // Complexity, Difference and Identity. An Ethical Perspective / Ed. P. Cilliers, R. Preiser. London; New York, 2010. P. 79–98.

⁴ А.И. Таманян (1978–1936) был вице-президентом Академии архитектуры России. Родился и вырос на Кубани. Получил профессиональное образование в Санкт-Петербурге, в Академии художеств. В армянской действительности появился «вдруг», «случайно». Стал основателем современной армянской архитектуры.

⁵ Petrosyan H. The Sacred Mountain // Armenian Folk Arts, Culture and Identity / Ed. by L. Abrahamian, L. Sweezy. Bloomington; Indianapolis, 2001. P. 33–39.

1045). Был застроен «внезапно», по единому плану. Отличался богатством и изысканностью своих дворцов, храмов и домов. В сознании поколений остался как социальная и национальная утопия]».

Однако в Ереване наличествует возможность более глубинного гипертекстуального расширения. И это становится очевидным при параллельном раскрытии его текста с текстом Санкт-Петербурга (где состоялся Семиотизатор). Столица Империи выросла из воды и хляби (аллюзия на текст А. Пушкина). Ее семиотизатор – сам Петр Великий (власть), исполнители – великие архитекторы В. Растрелли, К. Росси, В. Кваренги и др. (культура).

Ереван же вырос из жары, пыли и глины (аллюзия на текст О. Мандельштама). При его становлении власть почти безлика, носителем основной творческой энергии является Архитектор. Духовное-эзотерическое переживание процесса становления столиц подсказывает, что они – воплощение разных архетипических праматерий (аллюзия на тексты от Платона до Г. Гачева). Петербург – воплощение воды, круга и скольжения, Ереван – земли, квадрата и устойчивости. Их задача – гибридизация собственного кода с использованием других праматерий, в частности, воздуха и огня (душа+дух). Одним из самых эффективных средств достижения этой цели считается рациональное и эстетическое оформление среды социального обитания.

Пространственно-смысловые рамки исследовательского опыта

Ввиду сложности и многоплановости социо-архитектурной среды современного Еревана мы решили сосредоточить внимание на одном из ее «текстовых фрагментов», наиболее соответствующем роли *pars pro toto*. По нашему убеждению, это проспект Маштоца – важная смысловая конструкция города [*архив обратной перспективы: лат. prospectio – «вижу насквозь», «вижу всецело», «вижу ясно»*]. Пространство было создано в результате сноса старых глинобитных домов (1930–1940-е гг.). Застроили пятиэтажными стандартами. И вместо броуновского (хаотического) движения в нем стало преобладать лучевое движение, имеющее весьма четкое семиотико-семантическое направление – начало и конец. Подобным путем Проспект (и сознательно, и подсознательно) связывался с идентитетом города. Сначала, естественно, преобладал квази (советский-тоталитарный) дух. Бывшая Армянская улица превратилась в Проспект Сталина. И сразу стал ясен «глубокий смысл» лучевого движения – от дореволюционного хаоса (горе и несчастье народа) в светлое (коммунистическое) будущее. Завершилось это духовное строительство установлением в конце Проспекта, на высоком холме, грандиозного монумента Сталину (рис. 1).

В годы Оттепели, в 1956 г., после речи Хрущева, данный дискурс «был стерт». Сначала это коснулось наименования Проспекта, а потом и Монумента. Однако квазитекстовое клише осталось. И Проспект стал носить имя Великого Ленина. В сущности, этим и исчерпалось текстотворчество коммунистического официоза. Не боясь повторения, отметим, что в пространстве Проспекта преобладала смысловая тавтология. А текстовое движение или вовсе отсутствовало, или, в лучшем случае, носило характер вечного возвращения (советский парад).

Ситуация в корне изменилась в постсоветское время (начало 1990-х). В семиотико-семантический код Проспекта были внесены весьма существенные инновации. И осмыслились они как возврат к национальным архетипам. Уже в его новом названии был заложен ключ нового кода – Проспект Маштоца [*архив обратной перспективы: Месроп Маштоц (361–440) создатель армянской письменности, школы и христианской книжной культуры. Почитается как святой*]. И в связи с этим произошла деструкция коммунистического метатекста. Вместо него был сформирован новый метатекст, в рамках которого «чужое» уступило место «родному» [*архив обратной перспективы: перекодирование пространства началось еще в советское время. В 1959 г. на склоне холма (западный предел Проспекта, под самим Монументом) был открыт Матенадаран – Институт древних рукописей (рис. 2)¹. В 1962 г. был демонтирован Монумент, а в 1967 г. на том же пьедестале была установлена скульптура Мать-Армения (см. рис. 3), хотя по логике времени должен был стоять Монумент Ленину*]. В «компенсацию ущерба» властями был установлен ярко подсвеченный баннер Ленина (рис. 2.1).

В связи с перекодированием открылась перспектива Проспекта. И его смысловое движение обрело более рациональное и семиотически насыщенное содержание. Сказанное в первую очередь относится к его началу и концу. Оба полюса стали ассоциироваться с важнейшими архетипами национальной идентичности. Начало – гора Арарат с ее национальными и библейскими текстами святости. Конец – Матенадаран с его книжными текстами архетипов. В глубинном символично-эзотерическом переживании интеллектуала они вырисовываются как зиккурат, откуда выходит и куда уходит божество [*архив обратной перспективы: стольный город Урарту Гушпа-Ван с его зиккуратом (рис. 4), названном впоследствии «Врата Митры»*]. Причем один из зиккуратов нерукотворный, а другой – рукотворный, т.е. храм.

Именно между этими двумя вертикальными полюсами сакральности ныне пролегает Проспект Маштоца. Для посвященного взгляда в нем присутствует двоякое движение: *нисхождение* (от Арарата к Матенадарану) и *восхождение* (от Матенадарана к Арарату). Оба движения, в сущности, равноценны, посему их обратимость в национальном сознании армян вполне допустима. Они составляют два параллельных текста [*архив обратной перспективы: нисхождение закодировано в названии христианского духовного центра всех армян – Эчмиадзин (рис. 5)² (Место нисхождения Единородного Сына), восхождение же – в движении духовных героев к вершинам благодати и спасения (аллюзия на текст Е. Чаренца³)*]. Здание Матенадарана находится по оси про-

¹ Матенадаран был спроектирован в 1945–1957 гг. архитектором Марком Григоряном (1900–1978), а построен в 1959 году.

² В Эчмиадзине находится кафедральный монастырь Армянской апостольской церкви (301 г.).

³ Егише Чаренц (1897–1937) – великий армянский поэт. О поэзии см.: Чаренц Е. Стихи в переводе А. Сагратяна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://armenianhouse.org/charents/poems-ru/sagratyan.html>. Дата обращения – 15.12.2011; Егише Чаренц. [Электронный ресурс]. Режим досту-

спекта Маштоца на высоте 18 метров от его уровня, словно вырастая из скалы на склоне Канакерской возвышенности (оппозиция верх / низ). Иначе говоря, со стороны проспекта (низ) Матенадаран находится на возвышенности (верх) (см. рис. 2, 6). На коннотативном уровне оппозицию верх / низ можно описать в оппозиции сакральное / профанное [ср. гора (2) ← Моисей (1) → народ (3)]. Под сакральным понимаем хранилище духовного, так как в Матенадаране хранятся древние армянские рукописи. А «профан», т.е. зритель, пешеход должен осознать, осмыслить, постичь сакральное. В этом смысле Матенадаран имеет *императивную функцию* для адресата. Следует заметить, что расположение этого здания в конце проспекта Маштоца – *центрального* проспекта Армении, дает нам веское основание предполагать, что Матенадаран был *осознанно* помещен *в конец центральной улицы*, иначе говоря, в «конец» «центра».

Метатекст города можно прочесть и в следующем ключе. «Начало» проспекта заканчивается церковью св. Саркиса (1450 г.) (рис. 7), напротив которой открывается вид на гору Арарат (рис. 8, 8.1). Как видно, и «начало», и «конец» Проспекта генерируются в режиме сакрального. Если в «ближнюю» рамку «конца» и «начала» входят Матенадаран и церковь св. Саркиса, то в дальнюю рамку «начала» и «конца» – скульптура Мать-Армения и гора Арарат. Заметим, что ближнее «начало» и «конец» помещены в христианскую рамку, а в дальнюю рамку – Мать-Армения и гора Арарат, что и является архетипической рамкой.

Поэтика конца, обращенного в начало

Повторим, в более конкретном смысле наше исследование охватывает семиотическое поле всего лишь одного отрезка Проспекта. Он также целостен в своем смысловом оформлении, ибо имеет локальное начало и конец.

Локальным началом нами принята:

А. Скульптура Мать-Армения (скульптор А. Арутюнян) символизирует могущество и величие Родины¹. Грозное лицо матери в сдержанной скорби (рис. 3.1). Она готова нанести сильный удар противнику. Судя по размеру меча, нужна сильная рука. Амбивалентное моделирование лица Матери-Армении имеет свой семантический нюанс. Скорбь связана *с прошлым*, а грозное лицо – *с будущим*. Монументальность скульптуры говорит о том, что символ Мать-Армения опекает своих сыновей, поэтому скульптура смоделирована в оппозиции верх / низ.

Б. Скульптура Месропа Маштоца и его ближайшего ученика Корюна² (написавшего впоследствии каноническое Житие Учителя). Она установлена

па: <http://www.vcisch.narod.ru/THARENC/index.html>. Дата обращения – 15.12.2011.

¹ Подробный анализ скульптуры Мать-Армения см.: Эйрамджянц Н. Мать-Армения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aniv.ru/all_numer/n32/st6/index.htm. Дата обращения – 20.09.2011.

² Корюн (V век) армянский историк, переводчик, ученик Месропа Маштоца, автор книги «Житие Маштоца». См.: Корюн. Житие Маштоца. Ереван,

на том же холме, что и Матенадаран, только чуть ниже (рис. 9). Скульптор Г. Чубарьян ее изваял вокруг вертикальной смысловой оси: перед восседающим Учителем коленопреклоненно стоит ученик. Иными словами, логика зиккурата в скульптуре полностью сохранена, хотя, надо полагать, в чисто эстетическом восприятии. Маске всезнающего старца противопоставлена маска профана.

Следует заметить, что соотношение «учитель / ученик» смоделировано по логике школы христианского средневекового мышления «учитель-верх / ученик-низ» [*аллюзия на Христа и апостолов*]. Такое расположение фигур не вызывало никаких возражений со стороны советской власти, так как советская педагогика была построена по той же логике, по модели тоталитарного режима – вверх / вниз. Авторитарный учитель (=жрец) учит детей, «профанов».

С семиотической точки зрения интересно соотношение «меч–щит–орел» (рис. 9). Закодирована такая композиция в «духе армянства». Меч и щит охраняют письменность (самость народа), орел символизирует мудрость, а мудрость защищается щитом и мечом. На прагматическом уровне закодированное послание скульптора таково: познавший алфавит (код письменности) и культуру (код мудрости) прошлого может стать орлом (мудрым). Не случайно, что написанным армянскими буквами первым предложением было изречение из Библии: «Познать мудрость и наставление, понять изречения».

Схематическая репрезентация одной синтагмы проспекта Маштоца

С правой стороны проспекта Маштоца на горизонтально-синтагматическом уровне расположены мемориальные доски «великих живших здесь»: театральный режисер Варган Аджемян (театральные коды) → театр марионеток (кукловод–кукла–действие) → лингвист Грачя Ачарян (систематизатор лингвистических (денотативных) кодов) → оперный композитор Армен Тигранян (коды музыкальной гармонии), этнограф-этнотанцевед Србуи Лисицян (интерпретация невербальных кодов (танцев)). И завершает этот ряд маска-барельеф Левона Нерсисяна – преподавателя ЕГУ – «актера аудитории». Но эта маска имела также весомую социальную нагрузку «интеллектуального юродивого».

Л. Нерсисян на своих лекциях не анализировал произведения Гомера, Софокла, Еврипида или Шекспира, Вольтера, Гете, а играл их (лекция как театральное, зрелищное представление!). Один из его коллег Генрих Эдоян, анализируя его поведение, пишет: «Он был в своей речи, в голосе, в интонации, в жесте, в которых выражалось то, что оставалось за рамкой речи, т.е. его жест был продолжением слова, его специфический “голос”, который можно было только увидеть, а не услышать. Вот поэтому он проявлял себя не в письменной речи, а в устной, в жесте и в голосе, в живом дыхании, в которой его душа находила абсолютную свободу и возможность коммуникации. Живая речь была

1932. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/istoriya/armenia/korun/index.html>. Дата обращения – 20.09.2011.

его стихией, его свободой, его творчеством, где его душа раскрывалась со всей необыкновенностью, незаурядностью»¹.

В рамках интеллектуального жеста, паузы и интонации время теряло свою историческую конкретность, обретая эстетическую пластичность и правдивость. И с этой перспективы Нерсисян оценивал не только литературный текст (писаное прошлое), но и коммунистический квази-текст настоящего. В последнем случае он надевал маску профана (не понимающего) – юродивого, зрящего, однако, «в корень социального добра и зла». В этом смысле к нему вполне применима известная формула: «Юродивый ведет себя как шут... но в то же время преследует дидактические цели»².

Всем своим существом Юродивый нацелен на преодоление обыденности бытия. Он устремлен на Бытие сакрально-вневременное. Для своих современников он также Учитель, ибо знаком с архетипами. Исходя из этого интеллектуальный читатель Еревана обратит внимание на тот очевидный факт, что маска Левона Нерсисяна³ (рис. 10) обращена на Матенадаран. И ему станет совершенно очевидно, что семиотико-семантический код последней амбивалентен. В нем заключены черты как Маштоца, так и его ученика-профана Корюна.

Подобная амбивалентность «заразительна» и для самого интеллектуального читателя. Он в состоянии заключать в своей обратной перспективе все значимое, случившееся как с ним, так и с его предшественниками. Степень родства социальна, моральна и эстетична. В силу именно этой потенции читатель обретает возможность стать соавтором Города.

Приложение

Рис. 1

Рис. 2

¹ Эдоян Г. «Я останусь в ваших воспоминаниях» (на арм. яз.) // Норк. 2000. № 3. С. 130.

² Лихачев Д.С., Панченко А.М., Попырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. (Раздел: «Смех как зрелище»). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?PageContentMode=1&tabid=2343>. Дата обращения – 15.01.2012.

³ На мемориальной доске Левона Нарсисяна написано: «Рыцарю духа и свободы».

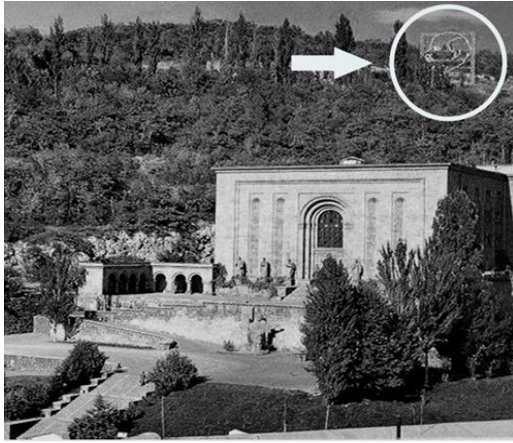

Рис. 2.1

Рис. 3

Рис. 3.1

Рис. 4

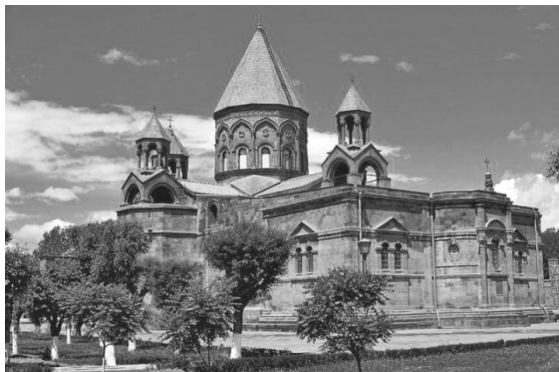

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

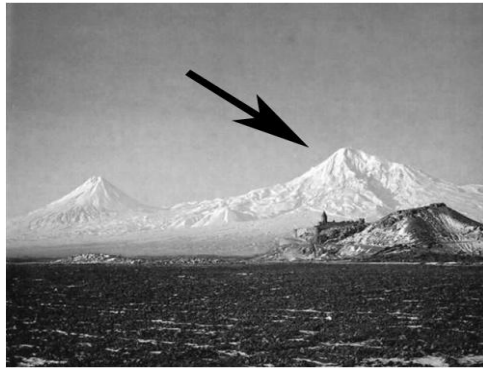

Рис. 8.1

Рис. 9

Рис. 10